

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по древней и общей церковной исторіи.

Перечень статей въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ.—1) Древнѣйшій памятникъ христіанства въ Китаѣ: краткія свѣдѣнія по исторіи христіанства въ этой странѣ; внѣшній видъ и содержаніе памятника.

Отдѣлъ по древней и общей церковной исторіи, занимающій, вообще говоря, очень видное мѣсто въ нашей духовной журналистикѣ, въ настоящемъ году не можетъ похвалиться разнообразіемъ и богатствомъ своего содержанія. Кромѣ статьи А. Сильченкова о „тайноводственномъ ученіи въ первые вѣка христіанства (въ „*Вѣръ и Разумъ*“, 1901 г. № 4, 5, 7)“, разсмотрѣнной уже въ Майской книжкѣ *Богосл. Вѣстн.* (стр. 194—199) и относящейся собственно къ церковной исторіи, мы можемъ отмѣтить за этотъ годъ (точнѣе: за первое полугодіе), еще очень немногое. Это,—два экскурса покойнаго проф. В. В. Болотова, извлеченные изъ посмертныхъ бумагъ и составляющіе продолженіе его детальныхъ работъ по исторіи Сиро-Халдеѣской церкви (Христ. Чт., Мартъ, 439—462, Апрѣль, 498—575, Іюль 937—965); затѣмъ, рѣчь П. Лепорскаго: „Восточный Иллирикъ и его церковно-историческое значеніе“, (Христ. Чт. Іюль, 131—144)—и только. Матеріаль, какъ видимъ, не обильный, хотя и не лишенный своего очень значительнаго интереса. За то, какъ-бы въ восполненіе этой (безъ сомнѣнія, временной) скудости

церковно-историческаго отдѣла въ духовной журналистикѣ, встрѣчаемъ въ текущемъ году нѣсколько очень занимательныхъ этюдовъ изъ этой области на страницахъ нашихъ свѣтскихъ журналовъ. Сюда принадлежатъ: а) статья С. С. Слуцкаго: „Древнѣйшій христіанскій памятникъ въ Китаѣ“ (въ *Руск. Вѣстн.*, Январь, 151—165 стр.), б) довольно обширный церковно-историческій очеркъ проф. В. И. Герье подъ заглавіемъ „Борьба за единство вѣры въ IV вѣкѣ“ (въ *Вѣстн. Европы*, Январь, 1—50; Февр. 537—588; Мартъ 39—74; Апр. 445—479) и в) критическая работа И. А. Джавахова: „Проповѣдническая дѣятельность ап. Андрея и св. Нины въ Грузіи“ (въ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, Январь, 77—113). Такъ какъ церковно-историческіе вопросы въ нашихъ свѣтскихъ журналахъ доселѣ еще являются своего рода рѣдкостью, то съ нихъ мы и начнемъ свой обзоръ.

1) Подъ именемъ „древнѣйшаго памятника христіанства въ Китаѣ“, о которомъ ведетъ рѣчь статья С. С. Слуцкаго, разумѣется обширная надпись, найденная въ Синанфу, западной столицѣ Китая, и подробно рассказывающая о былыхъ успѣхахъ здѣсь христіанской проповѣди. Самая надпись не представляетъ собой какой-либо исторической новости: она найдена была католическими миссіонерами еще въ 1625 году и съ тѣхъ поръ не однократно подвергалась обсужденію какъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ ученыхъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе появленіе ея на страницахъ литературнаго журнала именно въ текущемъ году должно признать какъ нельзя болѣе своевременнымъ,—въ виду послѣднихъ событій, совершившихся въ Китаѣ и обратившихъ общее вниманіе на эту загадочную страну. Разсматриваемая въ связи съ этими событіями, статья г. Слуцкаго, помимо удовлетворенія простой любознательности, получаемъ еще свой особый интересъ. Какъ извѣстно, въ кровавой драмѣ, разыгравшейся между востокомъ Азии и западомъ Европы, немаловажная роль выпала и на долю христіанства въ лицѣ западно-европейскихъ миссіонеровъ. Вызванный національными и политическими мотивами, дикій взрывъ китайскаго фанатизма противъ европейцевъ

¹⁾ Она была издана даже на русскомъ языкѣ З. Θ. Леонтьевскимъ, но только въ первой своей части.

сразу-же принялъ на себя религіозную окраску, направился противъ христіанства, его служителей и исповѣдниковъ. Борьба велась не только противъ европейскаго вторженія во внутреннюю жизнь Китая, но и противъ христіанской проповѣди, и выражалась разрушеніемъ христіанскихъ храмовъ, насиліями и убійствами, поражавшими не европейцевъ однихъ, но еще чаще китайцевъ, принявшихъ христіанство. Въ газетныхъ извѣстіяхъ какъ-бы вставали предъ нами сцены изъ первыхъ вѣковъ христіанства, выступавшія предъ нами съ болѣе грубыми и ужасными подробностями... При отсутствіи всякихъ свѣдѣній по исторіи и современной жизни Китая, эта черта китайскаго возстанія, у многихъ невольно должна была вызывать собой рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ на счетъ будущности христіанства въ Китаѣ: въ самомъ дѣлѣ, ужь не лежалъ-ли источникъ этой ненависти китайцевъ къ христіанству въ самой недоступности или непригодности христіанскаго ученія для Китая? не бесполезны-ли, поэтому,—не вредны-ли скорѣе,—всѣ усилія современныхъ миссіонеровъ христіанства? — Исторія даетъ на это совсѣмъ другой отвѣтъ. Она свидѣтельствуетъ, что было время, когда проповѣдь христіанства встрѣчала себя радушный пріемъ среди китайскаго населенія, когда христіанское ученіе охранялось защитой законовъ и его исповѣдники пользовались покровительствомъ правительства. Китаѣ зналъ христіанство гораздо раньше, чѣмъ пришли сюда европейскіе миссіонеры,—раньше даже, чѣмъ стало извѣстнымъ Европѣ самое существованіе этой страны, и тогда уже онъ счумѣлъ оцѣнить его возвышенное ученіе, усвоивъ ему въ законодательномъ порядкѣ имя „пресвѣтлой вѣры“. — Но тогдашніе проповѣдники христіанства приходили сюда не подъ охраной пушекъ и броненосцевъ, не во имя торговыхъ и политическихъ цѣлей, а ради Евангелія и любви къ ближнему,—шли въ Китаѣ, вооруженные однимъ оружіемъ— „великою добродѣтелью“, „смотря на солнце и песя писаніе“, какъ выражается о нихъ надпись...

Исторія христіанства въ Китаѣ еще не изучена; далеко еще не собраны всѣ памятники, касающіеся ея; въ китайскихъ архивахъ, если они когда-нибудь будутъ доступны для науки, безъ сомнѣнія найдется не мало матеріала, способнаго пролить совсѣмъ новый свѣтъ на эту область про-

шлаго. При настоящемъ-же состояніи данныхъ, все, чѣмъ наука располагаетъ по вопросу о христіанствѣ въ Китаѣ, ограничивается краткими замѣтками позднѣйшихъ сирскіхъ и армянскихъ хронистовъ, отрывочными извлеченіями, сдѣланными разными лицами изъ китайскихъ лѣтописей, случайными сообщеніями путешественниковъ, относящимся къ разнымъ эпохамъ и разнымъ мѣстностямъ, и нѣсколькими надписями. Крайняя бѣдность и разрозненность этихъ источниковъ исключаетъ всякую возможность дать болѣе или менѣе полную и удовлетворительную картину постепеннаго распространенія и прошлыхъ судьбъ христіанства въ Китаѣ; невольно приходится довольствоваться отдѣльными фактами, которые къ тому-же не всегда можно установить съ надлежащей точностью.

Сирскія и армянскія лѣтописи начало христіанства въ Китаѣ приурочиваютъ ко временамъ апостольскимъ и первымъ просвѣтителемъ его считаютъ ап. Фаддея, но эти преданія возникли въ то время, когда для христіанъ каждой страны хотѣли указать родоначальника въ лицѣ какого-либо апостола, и въ нашемъ случаѣ обязаны несомнѣнно старому географическому заблужденію, смѣшивавшему Китаю съ Индіей. По болѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ древности, христіанское ученіе было принесено въ Китай изъ Персіи отъ представителей здѣшней сирохалдейской общины несторіанъ, официально выдѣлившейся изъ состава вселенской церкви въ 499 г. на соборѣ въ Селевкии при католикосѣ Бабеѣ. Въ историческихъ судьбахъ христіанства въ Азіи вообще за средневѣковый періодъ этой общинѣ принадлежитъ передовое значеніе. Отпавъ отъ союза съ греческой церковію, несторіане скоро заявили себя такими успѣхами, какіе не встрѣчаютъ себѣ аналогій въ исторіи другихъ восточныхъ общинъ отдѣлившихся отъ церкви. Они сѣумѣли поставить себя въ добрыя отношенія къ персидскому правительству, создали прочную внутреннюю организацію, завели школы, развили просвѣщеніе, распространили христіанство внутри и за предѣлы Персіи и еще при персидскомъ правительствѣ образовали изъ себя могущественную церковь обнимающую собой почти всѣ азіатскія народности и оказавшую на нихъ сильное просвѣтительное вліяніе. Но самую блестящую эпоху пережило несторіанство послѣ того, какъ съ VII

вѣка Персія и вся передняя Азія подпала власти арабовъ-магометанъ. Арабскіе халифы, отстроившіе себѣ столицу въ Багдадѣ, центрѣ сиро-халдейскаго населенія, уже не увлекались блескомъ оружія и побѣдныхъ подвиговъ, какъ первые магометанскіе завоеватели: они искали болѣе благородной славы справедливыхъ правителей народа, покровителей искусства и науки, стремились насадить цивилизованную жизнь среди своихъ подданныхъ, развить просвѣщеніе,—и ближайшихъ помощниковъ въ этой задачѣ нашли въ несторіанахъ, какъ болѣе культурной и просвѣщенной части населенія. Несторіане заняли у арабовъ высшія государственныя должности, губернаторствовали въ городахъ, управляли провинціями, вѣдали финансы и т. д. Они-же исправляли обязанности секретарей и лейбъ-медиковъ при халифѣ и эмирахъ, пріобрѣтали иногда безграничное довѣріе своихъ повелителей и пользовались огромнымъ вліяніемъ въ халифатѣ. Самъ Ктезифонскій католикосъ, глава несторіанъ, перенесъ свою резиденцію въ Багдадъ и здѣсь, подѣ бокомъ у халифовъ, сталъ важной персоной, соединявшей въ своихъ рукахъ сильную церковную и моральную власть: особыми узаконеніями халифовъ ему были подчинены не только несторіане, но и всѣ прочіе христіане, жившіе въ предѣлахъ халифата, какъ-то: яковиты, мелхиты (православные) и пр. Несторіанскіе ученые находили себѣ самый благосклонный пріемъ въ багдадскомъ дворцѣ, окружали тронъ халифа и соперничали между собою въ научныхъ занятіяхъ изъ за славы и почестей; нѣкоторые изъ нихъ по порученію халифовъ путешествовали по Сиріи, Арменіи и Египту, собирали древнія рукописи и переводили ихъ на арабскій языкъ. Они первые ознакомили арабовъ съ греческой классической литературой, научили ихъ цѣнить Аристотеля, Иппократа и Галена и создали то арабское просвѣщеніе, которое, будучи пересажено въ Испанію, послужило однимъ изъ могучихъ толчковъ, пробудившихъ въ XIII и XIV в. западно-европейскій умъ отъ средневѣковой спячки. Но главной сферой, въ которой преимущественно заявила о себѣ несторіанская церковь въ исторіи Азій, была ея миссіонерская дѣятельность. Несторіанство обладало какой-то особенной страстью къ пропагандѣ; еще при персидскомъ правительствѣ, несторіанская церковь выступила за первоначаль-

ныя свои границы и стала быстро распространяться въ глубь Азіи, а при халифахъ она раскинулась на неизмѣримое пространство и захватила всѣ азіійскія народности. Ея проповѣдники изрѣзали Азію по всѣмъ направленьямъ и вездѣ пожинали успѣхъ, насаждая христіанство, какъ среди язычниковъ, такъ и въ мѣстностяхъ уже знакомыхъ съ христіанствомъ; они упрочили несторіанское ученіе въ Аравіи, занесли его въ Остъ-Индію и Цейлонъ и разсѣяли среди туркменскихъ племенъ въ средней Азіи ¹⁾.

Отъ этой несторіанской церкви получили христіанство и Китай. Въ Китай несторіанскіе проповѣдники проникли очень рано; по словамъ Ебедь-Іезу, еще Ахайя, ктезифонскій патріархъ въ 411—415 гг., посылалъ миссіонеровъ въ Самаркандъ и Шину (т. е. въ Китай); однако о послѣдствіяхъ этого посольства ничего неизвѣстно, да и вообще свѣдѣніе Ебедь-Іезу стоитъ одиноко въ ряду другихъ свидѣтельствъ о христіанствѣ въ Китай. Въ прочныя и болѣе или менѣе постоянныя сношенія съ Китаемъ несторіане вступили уже въ VII вѣкѣ; въ 30-хъ годахъ этого столѣтія католикосъ Іешуйавъ отправилъ сюда особое посольство съ священными книгами, богослужебными принадлежностями и подарками для богдыхана. Посольство удостоилось благоклоннаго приема и достигло счастливыхъ результатовъ: ученіе христіанское было разсмотрѣно и одобрено; особымъ эдиктомъ было повелѣно построить христіанскій храмъ въ столицѣ богдыхана, въ кварталѣ Мира и Правосудія и проповѣдники его получили свободу ученія. Съ этой поры христіанская проповѣдь пріобрѣла законную почву въ Китай, и при томъ поставлена была въ исключительно благопріятныя условія. Найденная въ Синанфу надпись, содержаніе которой мы передадимъ ниже, свидѣтельствуешь, что за все время, отъ прибытія посольства, до первыхъ годовъ IX столѣтія, китайскіе правители покровительствовали миссіонерамъ, рекомендовали христіанство, какъ „ученіе благодѣтельное и достопочтенное“, помогали устройенію и украшенію храмовъ, оказывали щедрую помощь и приношенія. Но и съ

---

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія по исторіи этой несторіанской церкви см. А. Спасскаго. „Сиро-халдейскіе несторіане“, Богосл. Вѣстн. 1893. Май, 202—243.

IX-го вѣка положеніе христіанъ въ Китаѣ не измѣнилось, хотя, начиная съ этой эпохи, свѣдѣнія о христіанствѣ въ Китаѣ становятся чрезвычайно скудны и отрывочны. Что христіанская проповѣдь продолжала развиваться здѣсь и послѣ IX вѣка, объ этомъ говоритъ уже одно то обстоятельство, что до XIII вѣка включительно католикосы несторіанскіе не переставали назначать сюда особыхъ матрановъ (митрополитовъ). Имена нѣкоторыхъ изъ этихъ китайскихъ митрополитовъ сохранены у сирскихъ писателей, а такъ какъ въ несторіанской церкви, какъ и въ другихъ восточныхъ церквахъ, титулярныхъ епископовъ (безъ дѣйствительной кафедры и паствы) никогда не существовало, то назначеніе особыхъ матрановъ для Китая должно указывать на значительные успѣхи здѣсь христіанства. Замѣчательно, что за это же время китайскіе митрополиты замѣтно поднимаются и въ своемъ іерархическомъ рангѣ; такъ, въ одномъ документѣ IX вѣка митрополитъ Китая значится на первомъ мѣстѣ послѣ шести первенствующихъ митрополитовъ несторіанской церкви; въ этомъ же столѣтіи Китайскому митрополиту была уступлена католикосомъ важная привиллегія—не являться лично къ нему при объѣздѣ имъ своей патріархіи, но письменно извѣщать его о состояніи церковныхъ дѣлъ въ Китаѣ чрезъ каждые шесть лѣтъ. Когда въ XII и XIII вв. въ Китаѣ стали проникать западные путешественники и римско-католическіе миссіонеры, они съ удивленіемъ узнали, что Китаю уже извѣстно христіанство, и въ своихъ сообщеніяхъ на западъ оставили нѣкоторыя очень любопытныя свѣдѣнія о положеніи китайскаго христіанства за эти вѣка. Изъ такихъ сообщеній отмѣтимъ два, относящіяся къ XIII вѣку и принадлежащія знаменитымъ путешественникамъ этого времени—извѣстному Марку Поло и Іоанну Корвину. Марко Поло, еще юношей прибывшій въ Китаѣ, пробылъ тамъ около 17-ти лѣтъ, находясь въ свитѣ хана Коблая (1280—1295), пользуясь его покровительствомъ и даже исполняя нѣкоторыя государственныя порученія, и потому имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ жизнью Китая. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ то время христіанъ было много какъ въ Монголіи, такъ и въ Китаѣ и что они повсюду имѣли церкви. Изъ рассказовъ Марка о разныхъ событіяхъ изъ правленія Коблая видно, что тогда они поль-

зовались вполне мирнымъ положеніемъ и принимали энергичное участіе въ политической жизни страны. Такъ, рассказывая о бунтѣ Найтама, Маркъ замѣчаетъ: „а этотъ Найтамъ былъ по вѣрѣ и имени христіанинъ, но не слѣдовало дѣлать вѣры; имѣя съ собою не малое число христіанъ, онъ свое главное знамя украсилъ знакомъ креста“; когда бунтовщикъ былъ побѣжденъ и по приказанію Коблая задушенъ, „вельможи и весь народъ,—пишетъ Марко,—среди котораго было много христіанъ (*multi fuerunt christiani*) добровольно подчинились господству Коблая.“ И самъ Коблай пользовался услугами христіанъ при своихъ военныхъ походахъ; такъ по словамъ Марка при осадѣ Синанфу (*Singhianfu*) ему помогали „бывшіе съ нимъ христіанскіе мастера“; „въ городѣ Синанфу,—добавляетъ по этому поводу Маркъ,—были христіанскія церкви несторіанъ, построенныя несторіаниномъ Маръ-Сергіемъ, который надѣленъ былъ отъ великаго хана властью въ этомъ городѣ“. Можно думать, что во время посѣщенія Маркомъ Поло Китая и Монголіи въ здѣшнихъ городахъ вообще были очень обычны христіанскіе храмы, потому что, описывая одинъ городокъ провинціи-Манго, онъ въ качествѣ исключительнаго явленія замѣчаетъ, что въ немъ существовалъ „только одинъ (*una solum ecclesia*) несторіанскій храмъ.“—Рассказы Марка подтверждаетъ и Іоаннъ Корвинъ, который путешествовалъ въ Китай во главѣ миссіи, посланной на востокъ папой Николаемъ IV въ 1289-мъ году—съ обширными задачами привести къ покорности къ папскому престолу всѣхъ существующихъ здѣсь христіанъ—грузинъ, несторіанъ, эѳіоповъ (?) и пр. Сообщая о результатахъ своей миссіи въ донесеніи папѣ отъ 1305 г. 8 янв., Корвинъ пишетъ, между прочимъ, что... „императоръ монголовъ, называемый великимъ ханомъ, не смотря на то, что погруженъ въ идолопоклонство, оказываетъ многія благодѣянія христіанамъ“, что „несторіане, усваяющіе себѣ имя христіанъ, но сильно уклоняющіеся отъ христіанской религіи, такую силу имѣютъ въ этихъ странахъ, что не дозволяютъ, чтобы христіанинъ какого либо другаго обычая имѣлъ хотя бы маленькій молитвенный домъ или проповѣдывалъ какое-либо другое ученіе, кромѣ несторіанскаго“. Корвину пришлось испытать не мало притѣсненій отъ несторіанъ, старавшихся очернить его въ глазахъ великаго хана, и потому

онъ судить о нихъ весьма неодобрительно; тѣмъ не менѣе описывая папѣ свою дѣятельность въ качествѣ миссіонера, онъ еще разъ даетъ свидѣтельство о процвѣтаніи несторіанства въ Китаѣ. „Одинъ правитель (гех) той страны, Георгій изъ секты несторіанской, расположенный ко мнѣ, былъ обращенъ мною къ истинѣ католической вѣры и, хотя другіе несторіане обвиняли его въ отступничествѣ, онъ большую часть своего народа привелъ къ истинной католической вѣрѣ. Когда же царь Георгій истинный христіанинъ шесть лѣтъ тому назадъ (сл. 1299 г.) отошелъ къ Господу, оставивъ наслѣдникомъ сына еще въ пеленкахъ, братья Георгія—всѣ, которыхъ онъ обратилъ отъ заблужденія несторіанъ, послѣ смерти царя, возвратились въ прежнюю схизму“.

Но XIII вѣкъ, къ которому относятся приведенныя сейчасъ свидѣтельства путешественниковъ, былъ послѣднимъ вѣкомъ процвѣтанія, а вмѣстѣ и всей исторіи христіанства въ Китаѣ. Въ половинѣ XIV в. (1369 г.) въ Китаѣ произошла революція: монгольская династія великихъ хановъ, покровительствовавшая христіанамъ, была низложена и смѣнилась китайскою династіей Минъ, открывшей преслѣдованіе на христіанъ. Римско-католическіе миссіонеры, успѣвшіе начать пропаганду въ концѣ XIII в., были изгнаны; изгнанію, притѣсненіямъ и насиліямъ подверглись и несторіане, и ихъ храмы, украшавшіе китайскіе города, были разрушены. Впрочемъ, христіанство не сразу исчезло въ Китаѣ; подвергнутое запрещенію и преслѣдованіямъ, оно содержалось въ тайнѣ, такъ что несторіанскіе католики продолжали назначать матрановъ для Китая и послѣ воздвигнутаго здѣсь гоненія на христіанъ. Самый сильный ударъ китайскому христіанству нанесло собою паденіе несторіанской, сиро-халдеискіи церкви, отъ которой оно получило начало. Какъ бы ни велики были успѣхи христіанства въ Китаѣ, оно никогда не могло сдѣлаться здѣсь основой національной жизни, а всегда оставалось наноснымъ явленіемъ, державшимся благодаря постояннымъ связямъ съ сирскими несторіанами и непрерывному приливу отсюда свѣжихъ силъ. Но еще съ XIII в. несторіанскую церковь постигли тяжкія бѣдствія; въ этомъ столѣтій халифатъ подпалъ власти монголовъ, и несторіане, лишившіеся всѣхъ своихъ прежнихъ привилегій, были поставлены въ положеніе безправныхъ людей, въ отно-

шеніи къ которымъ дозволительны были всякія насилія и притѣсненія, а затѣмъ нашествіе Тимура, пронесшееся ужасной грозой по всей средней и передней Азии и истребившее ея благосостояніе, города и жителей, окончательно уничтожило здѣшнее несторіанство, сохранивъ отъ этой нѣкогда обширной церкви лишь жалкіе остатки, спасшіеся отъ поголовнаго избіенія или рабства въ гористыхъ мѣстахъ Курдистана. Изсякъ источникъ, питавшій собою китайское христіанство, исчезло и оно съ лица земли. Португальскій путешественникъ Фердинандъ Перецъ, посѣтившій Китайъ въ 1517 году, уже не нашелъ здѣсь никакого слѣда христіанства (*nullum christianismi vestigium*).

Открытая въ 1625 году и изданная теперь въ русскомъ переводѣ г. Слуцкимъ надпись и представляетъ собою единственный остатокъ этихъ духовныхъ побѣдъ, какія нѣкогда были сдѣланы христіанствомъ въ Китайъ. По своей обширности и богатству содержанія она является своего рода археологической рѣдкостью, но еще выше ея историческое значеніе, поскольку подлинность ея въ настоящее время стоитъ внѣ сомнѣній. Въ ряду крайне отрывочныхъ и разрозненныхъ извѣстій по исторіи христіанства въ Китайъ, эта надпись, въ довольно яркой картинѣ сообщающая намъ о судьбахъ христіанской проповѣди здѣсь болѣе чѣмъ за полтора столѣтія (а именно отъ 635—781), даетъ въ себѣ самый цѣнный, обстоятельный и полный матеріалъ изъ всего, чѣмъ располагаетъ наука по этому вопросу, и такъ какъ она относится къ эпохѣ первоначальнаго распространенія евангелія въ китайскихъ странахъ, то по всей справедливости должна быть названа „древнѣйшимъ памятникомъ христіанства въ Китайъ“. Поэтому нельзя не высказать признательности г. Слуцкому за опубликованіе ея въ русскомъ переводѣ, притомъ появляющееся въ такое время, когда общій интересъ обращенъ именно къ Китаю.

Ознакомимся ближе съ этой замѣчательной надписью, пользуясь статьей г. Слуцкаго ¹⁾.

Надпись найдена была при раскопкѣ стѣнъ древней крѣ-

---

¹⁾ При изложеніи статьи г. Слуцкаго мы будемъ дѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія, руководясь изслѣдованіемъ объ этой надписи Asseman'a въ его „*Biblioth. Orient.*“, III, 2, 538—552.

пости Саншунънъ, находящейся у Синанфу, западной столицы Китая, имя которой нерѣдко упоминалось въ газетныхъ корреспонденціяхъ прошлаго и настоящаго года, и тотчасъ же обратила на себя вниманіе какъ западно-европейскихъ миссіонеровъ, такъ и китайскихъ археологовъ. По приказанію мѣстнаго губернатора она была перенесена въ ближайшій буддійскій монастырь, гдѣ она должна сохраняться и доселѣ. По внѣшнему своему виду надпись 'представляетъ собою большую каменную плиту, испещренную китайскими и сирскими письменами. Китайское письмо занимаетъ центральное мѣсто и содержитъ въ себѣ, кромѣ заглавія изъ трехъ строкъ по три знака въ каждой, 62 строки, если считать справа на лѣво, или 28 столбцевъ, считая сверху внизъ, какъ дѣлаютъ китайцы; всѣхъ китайскихъ словъ въ надписи, по словамъ Ассемана, насчитывается до 1736. По бокамъ китайской надписи, а равно и внизу идетъ тоже довольно пространная сирская надпись, заинтересовавшая нѣкогда китайскихъ археологовъ неизвѣстностью своего языка. Стиль китайской надписи, вызывающей наибольшій интересъ, отличается, насколько можно судить по переводамъ, очень своеобразной, свойственной Востоку, полу-символической, полу-мистической, фразеологіей, вслѣдствіи чего нѣкоторыя детали надписи и доселѣ, не смотря на всѣ усилія, остаются не вполне разъясненными. Китайскую и сирскую надписи возглавляютъ знакъ креста и одно общее надписаніе, относящееся ко всему памятнику: „памятникъ возвѣщенія и распространенія въ Срединномъ царствѣ сирской пресвѣтлой вѣры“¹⁾.

По содержанію надпись удобно разлагается на три большихъ части. Первую часть образуетъ собою обширное введеніе богословско-историческаго характера, представляющее собственно говоря, самый важный отдѣлъ всей надписи. Богословскій отдѣлъ введенія начинается изложеніемъ основныхъ истинъ христіанства, которое предлагается въ возвышенномъ и таинственномъ стилѣ; здѣсь говорится о вѣчно-сущемъ, непостижимомъ и безначальномъ Aloha²⁾,

¹⁾ У Ассемана оно передается такъ: „памятникъ, воздвигнутый въ похвалу и память закона свѣта и истины, принесеннаго изъ Та-цина (Сиріи) и возвѣщеннаго въ Шинъ (Китаѣ)“.

²⁾ Elohim.

единомъ Богѣ, троичномъ въ лицахъ, сотворившемъ весь міръ изъ ничего, создавшемъ человѣка чистымъ и безгрѣшнымъ и предназначившимъ его къ обладанію всѣмъ міромъ,— о паденіи человѣка и послѣдовавшихъ за нимъ бѣдствіяхъ и заблужденіяхъ:—о воплощеніи „Мессіи“ отъ Дѣвы, о поклоненіи волхвовъ, объ исполненіи Мессіей ветхозавѣтныхъ писаній, о возвѣщенномъ имъ ученіи жизни и о писаніяхъ апостольскихъ (числомъ 27). Далѣе дается характеристика христіанской жизни и поведеніи, очевидно, въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ она выражалась въ эпоху сооруженія надписи, среди несторіанскихъ миссіонеровъ. Она настолько интересна, что мы приведемъ ее полностью по переводу г. Слущаго:

„Дверь закона есть водное крещеніе очищающее, воздвигающее въ красотѣ, убѣляющее внутренно. Символомъ пріяли знакъ креста, простирающійся къ четыремъ свѣтиламъ. Для призванія людей безъ принужденія ударяюгъ въ дерево, зовутъ къ благоговѣнію, милости, милосердію. Совершаютъ богослуженіе лицомъ къ востоку, взирая на путь славы живущихъ. Сохраняютъ бороду, ибо внѣшность соблюдаютъ обычную; брѣютъ маковку, ибо отъ внутреннихъ страстей отрѣшаются. У нихъ нѣтъ рабовъ: равными считаютъ знатныхъ и незнатныхъ между людьми. Не собираютъ богатствъ и запасовъ: учатъ дѣлить остатокъ съ бѣдными. Постытся чтобы смирить знаніе и сдѣлать его совершеннымъ. Бодрствуютъ (ночью) чтобы, повѣряя себя иъ тиши, укрѣпиться. Семь разъ въ день творятъ славословія въ великую помощь живымъ и умершимъ. Въ первый изъ семи дней приносятъ безкровную жертву. Очищая сердца, возвращаютъ къ простотѣ. По истинѣ вѣчный Законъ дивенъ и трудно наименовать его. Дѣлами и богослуженіями онъ вѣчно сіяетъ: должно называть его Пресвѣтлою вѣрою“.

Въ историческомъ отдѣлѣ своего введенія надпись излагаетъ довольно подробный рассказъ о христіанской проповѣди въ Китаѣ отъ прихода сюда первыхъ миссіонеровъ до времени поставленія памятника. „Въ сверкающіе дни Тай-суня ¹⁾, украшеннаго государя, просвѣщеннаго, милос-

¹⁾ Второй императоръ 13-й фамилии Тань, царствовавшій въ 627—650 г.

сердаго къ людямъ“ былъ въ Сирской странѣ высокодобродѣтельный А-ю-реп ¹⁾; взирая на голубыя облака, и неся писанія, въ 9-й Чинъ-куань ²⁾ онъ прибылъ въ Чань-Нянь“. Императоръ приготовилъ ему торжественный приѣмъ; по его распоряженію первый министръ долженъ былъ встрѣтить путешественника въ западномъ предмѣстьѣ. Принесенныя имъ книги были переведены и „по переводѣ книгъ въ (для ?) дворцовой библиотекѣ были вопросы о вѣрѣ во внутреннихъ покояхъ дворца; глубоко изученное признано правымъ и истиннымъ: повелѣно преподавать и учить“. Черезъ три года по приходѣ Алопена императоръ издалъ указъ о христіанствѣ, цѣликомъ цитируемый въ надписи. Вотъ этотъ указъ:

„Для закона нѣтъ неизмѣннаго имени. Для святости нѣтъ неизмѣнной сущности. Смотря по странамъ предлагаются религіи; въ тиши утѣшаютъ множество жителей. Высокодобродѣтельный А-ю-реп изъ Сирской страны, вводя издалика Святое Писаніе и изображенія, пришелъ предложить свое ученіе въ столицу, излагая его основанія. Оно глубоко, достопочтенно, отрѣшено отъ міра; главное стремленіе его достигъ совершенства. Писанія просты и безъ расплывчивости. При правильномъ ученіи да забываютъ сѣти жи. Оно помогаетъ природѣ, благотѣтельно людямъ. Прилично распространить его въ Имперіи. Начальники столицы да построятъ въ кварталѣ Мира и Правосудія сирскій храмъ и да соберутъ туда 21 священника“.

Постѣ краткой географической замѣтки о Сиріи, составленной по китайскимъ географамъ ³⁾, надпись восхваляетъ царствованіе преемника Тай-сун'я Као-цунъ (650—684): „слѣдующа предкамъ, Као-цунъ оплодотворилъ начинаніе доблестнаго предшественника“. Онъ вознесъ Алопена, даровавши ему санъ: „Охранителя царства, Господина великаго за-

---

1) Слущкій предполагаетъ: не Альбинъ-ли? Но латинское имя едва-ли могло встрѣтиться у жителя Сиріи. Ассеманъ предполагаетъ что Аю-реп есть искаженіе сирскаго Iab-allaha-богоданный (Теодоръ, Богданъ).

2) 636 г. по Р. Х.

3) Надпись цитируетъ: „Описаніе западныхъ странъ“ и историковъ Хан'овъ и Вей'евъ.

кона“ ¹⁾. „Законъ разлился по десяти путямъ“ ²⁾, церквами снабдились многіе ³⁾ города“. Но въ слѣдующія царствованія представителямъ новаго ученія пришлось потерпѣть преслѣдованія. Надпись говоритъ объ этомъ времени (684 — 713) очень глухо и не совсѣмъ вразумительна въ переводѣ г. Слущаго; здѣсь значитъ: „въ годъ Шинь-ли (6991) сыны Будды, пользуясь силой, провознесли уста при восточномъ дворѣ....; въ концѣ лѣтъ сень-тень (713) низшіе ученые“ ⁴⁾ весьма насмѣялись, унизили въ западной области Као,—однако, были глава священниковъ Ло-хань, добродѣтельныйшій Ки-ли..... высокіе іереи: они снова связали разорванное—и затѣмъ, идетъ особый отдѣлъ о царствованіи Хуэнь-цуня. Но такъ какъ конецъ года сень-тень равняется 713 году, а Хуэнь-цунь началъ царствовать въ 712, то очевидно извѣстіе о гоненіи 713 года должно войти въ отдѣлъ царствованія этого государя. Судя по Ассеману смыслъ этого мѣста такой: невѣжественный народъ подвергъ осмѣянію святой законъ, но священники Лоханъ (Іоаннъ), Кили и другіе знатные ученики успѣли убѣдить императора въ высотѣ христіанскаго ученія, и онъ сталъ ему покровительствовать. Хуэнь-цунь (712 — 757), „благочестивѣйшій императоръ“, приказалъ „возстановить алтари, дворы, крышу закона, грозившую упасть“ и далъ щедрыя приношенія. Въ третій годъ его царствованія (715) изъ царства Сирскаго пришелъ новый проповѣдникъ, священникъ Кихо, и получилъ позволеніе вмѣстѣ съ Лоханомъ, Полуномъ (Павломъ) и другими совершать богослуженіе во „дворцѣ блаженства“. При императорѣ Су-цунѣ (757—763) также строились храмы и поддерживалась „прежняя доброта“. Его преемникъ Тай-цунь (763—780) „расширилъ дѣятельность святыхъ; въ день рожденія онъ ежегодно даровалъ душистый ѳиміамъ, посылалъ императорскія яства народу Пресвѣтлой вѣры“. Благодѣянія продолжались и при Куэн-чунѣ (780—805), наслѣдовавшемъ Тай-цуню, современникѣ самоѣ

1) У Assem. санъ блюстителя великаго закона управляющаго (т. е. законна) царствомъ.

2) У Assem. „провинціямъ“.

3) У Assem. „всѣ“.

4) У Assem. „privati homines“ т. е. низшіе, невѣжественные люди“.

надписи, „божественномъ, просвѣщенномъ и воинственномъ императорѣ—устроителѣ“. Въ царствованіе Куэнь-чуна пришелъ третій знаменитый провозвѣстникъ, священникъ И-сзе; „знаніемъ онъ превосходилъ три поколѣнія, дарованія его простирались до десяти совершенствъ“. Онъ щедро былъ награжденъ императоромъ, украшался разными должностями и титулами и ходилъ въ злато-тканомъ, черно-красномъ уборѣ. Тогда-же прославился своими благодѣяніями князь Куо-Цеу-и: онъ „чтилъ ¹⁾ древніе храмы и возвеличивалъ обитали пресвѣтлаго (закона)“, раздавалъ милостыни: ежегодно собиралъ онъ „священниковъ и учениковъ четырехъ церквей и съ почтеніемъ служилъ имъ, доставляя все нужное пятьдесятъ дней“. Историческая часть введенія заканчивается торжественнымъ заявленіемъ, что „ученые пресвѣтлой вѣры, въ бѣлыхъ одеждахъ, озираясь на всѣхъ этихъ мужей, пожелали вырѣзать несокрушимый волнами каменный памятникъ, дабы восхвалить благія и прекрасныя заслуги ихъ“.

Вторую часть памятника составляетъ надпись въ собственномъ смыслѣ съ присоединеннымъ къ ней указаніемъ хронологической даты и участниковъ по сооруженію памятника. Она написана китайскими стихами и заключаетъ въ себѣ восхваленіе тѣхъ императоровъ, о которыхъ уже говорилось въ введеніи и которые заявили себя благодѣяніями христіанству. Въ припискѣ значится, что памятникъ воздвигнутъ „во второй годъ великаго Куэнь-чуна“ т. е. въ 781 году по Р. Х., при епископѣ („владыкѣ закона“) Нинь-шу, управлявшемъ паствою восточныхъ земель, и что писалъ его первый секретарь двора, Лиу-сьеу-йенъ.

Третья часть памятника написана на сирскомъ языкѣ. Она распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый, помѣщенный на правой сторонѣ китайской надписи, перечисляетъ имена 60 проповѣдниковъ, потрудившихся надъ возвѣщеніемъ христіанства въ Среднемъ царствѣ. Этого отдѣла въ переводѣ Слускаго не имѣется, но Ассеманъ читалъ его въ списокѣ 1631 года, сдѣланномъ, слѣдовательно, шесть лѣтъ спустя послѣ открытія надписи и принадлежащемъ

---

¹⁾ У Ассем. „возстановляль“.

библіотекъ римской коллегіи общества іезуитовъ, опубликовавъ его въ своей Biblioth. Orient. III, 2, pp. 542—548. Во второмъ отдѣлѣ, переведенномъ и у Слуцкаго, снова указываются время сооруженія памятника и лица, трудившіяся надъ нимъ. По свидѣтельству сирскаго текста, памятникъ воздвигнуть былъ „во дни отца отцовъ, господина Хананъ-Іисуса, каѳолическаго патріарха, и Адама, пресвитера, хорепископа и папы Китайскаго, 1092 годъ греческой эры“. Если перевести послѣднюю цифру (по эрѣ Александра Македонскаго) на наше лѣтосчисленіе, то получимъ тотъ же 781-й годъ, какой указываетъ и китайская надпись. Затрудненіе въ истолкованіи этихъ строкъ сирскаго текста возникаетъ только изъ того, что упоминаемый здѣсь католикосъ Іоаннъ Іисусъ умеръ въ 778 году, за три года до постановки памятника. Ассеманъ полагаетъ, что причиной ошибки послужила дальность разстоянія, вслѣдствіи которой извѣстіе о смерти патріарха и вступленіи новаго не могли въ этотъ промежутокъ времени достигъ до Китая.—Устроителемъ памятника сирскій текстъ называетъ Индбузина, священника и хорепископа изъ Кумдана, затѣмъ слѣдуютъ еще имена пяти лицъ, вѣроятно тоже принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

Таково содержаніе надписи; разумѣется мы не могли воспроизвести всѣхъ, иногда крайне любопытныхъ, деталей ея, хотя и стремились дать ясное понятіе о ней. Однако и то, что изложено, даетъ,—думаемъ,—достаточное основаніе присоединиться къ замѣчанію г. Слуцкаго, что „надпись изъ Синанфу представляетъ собой памятникъ столь интересный и столь оригинальный, что ознакомиться съ нимъ не лишнее и читателю не специалисту“. — Не имѣя возможности пользоваться подлинникомъ, не считаемъ себя въ правѣ и высказывать сужденіе о достоинствахъ перевода. Сошлемся лишь на заявленіе самого переводчика, что имъ приняты были всѣ мѣры, чтобы придать своему переводу лучшей видъ. Онъ пользовался латинскими, французскими и англійскими переводами и „въ мѣрѣ доступной не синологу“ сличилъ эти переводы съ китайскимъ оригиналомъ Потье и по эстампажу XVII в., хранящемуся въ Парижской національной библіотекѣ. Переводъ какой бы то ни было древней надписи есть дѣло не легкое: тѣмъ болѣе переводъ китай-

скаго текста, въ отношеніи къ которому еще не вполнѣ достигнуто первое и главное условіе хорошаго перевода—установка правильнаго чтенія. Отсюда, конечно, объясняются и тѣ разности въ переводѣ надписи, какія указаны нами у Ассемана. Что касается до полноты перевода, то, какъ мы видѣли, у г. Слущкаго не хватаетъ отдѣла сирской надписи, заключающаго въ себѣ перечень именъ проповѣдниковъ христіанства въ Китаѣ; почему этотъ отдѣлъ устраненъ,—сказать не можемъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

А. Спасскій.
